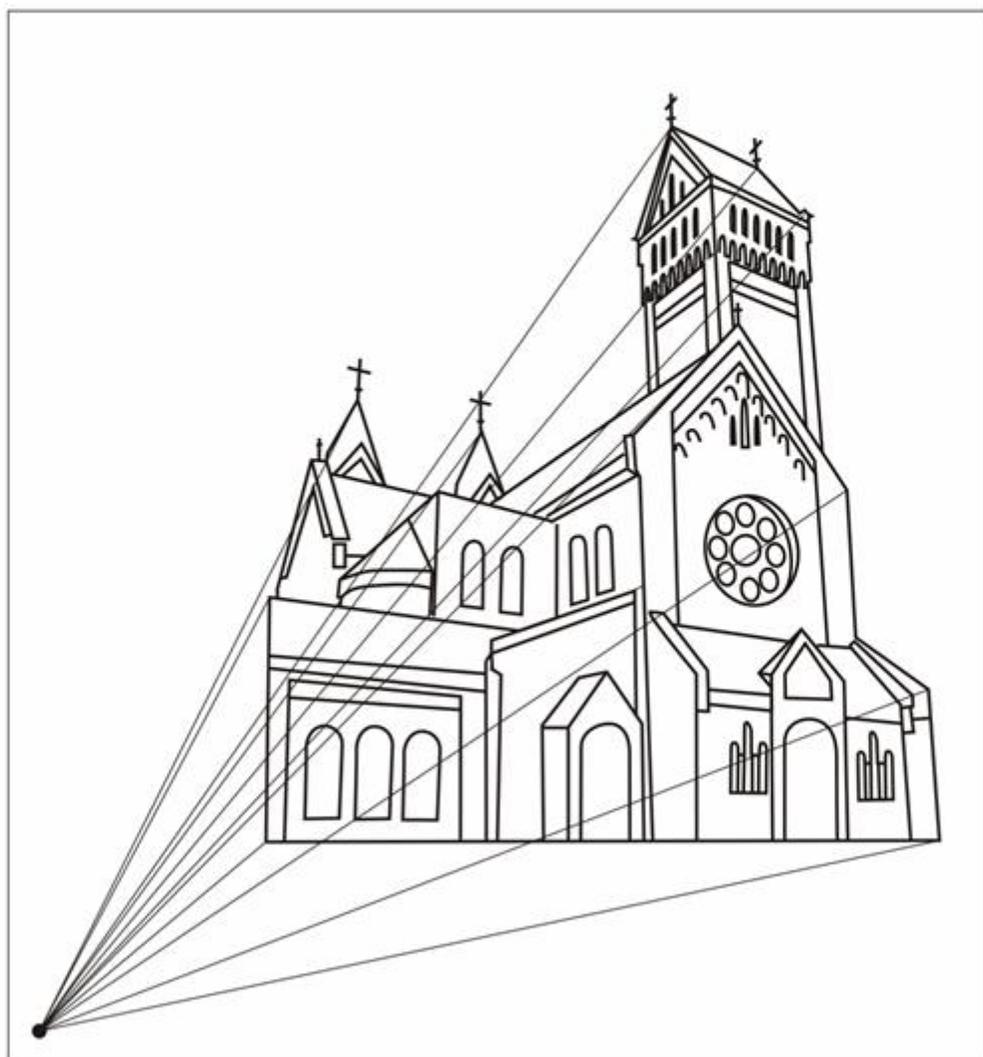


Перспектива
Российская религиозоведческая рассылка
Perscipere: Russian Religious Studies Newsletter



2015: 1

Оглавление

Обращение редакционной коллегии	2
Тема выпуска: Российское религиозное сообщество.....	3
<i>Фолиева Т.А.</i> «Головокружение от успехов»: размышления о религиозных исследованиях в России – 2015	3
<i>Костылев П.Н.</i> Современное российское религиозное образование: стратегии осмысления.....	15
Новости портала «Религиозная жизнь» / П.Н. Костылев.....	24
Книжные новинки	25
Журналы. Известия Иркутского государственного университета	28
Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Том 11	29
Анонс: Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Том 12	30
Конференции	34
События.....	35
Прием статей в новый номер журнала «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе»	35
Международный рецензируемый журнал «Open Theology» приглашает к публикации	35
Международное издательство De Gruyter приглашает к изданию книг о новых религиозных движениях.....	36
Конкурс эссе, посвященных синтоизму	36

Редакционная коллегия:

Т.А. Фолиева (к.филос.н., г. Волгоград), *П.Н. Костылев* (г. Москва)

Рисунок обложки: *О.А. Шинкарь* (г. Волгоград)

Контакты: r.perspicere@gmail.com

Обращение редакционной коллегии

Уважаемые коллеги!

Представляем вашему вниманию первый в 2015 году выпуск российской религиоведческой рассылки «Перспектива», подготовленный специально к Международной научно-практической конференции «Религия и / или повседневность» (16–18 апреля 2015 г., Минск). В данном выпуске вы найдете размышления Т.А. Фолиевой и П.Н. Костылева о ситуации в российском религиоведческом сообществе, а также наши традиционные рубрики: информацию о новых выпусках журнала «Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение», анонсы книжных новинок, будущих конференций и прошедших событий. К большому сожалению, между предыдущим выпуском и этим номером прошло практически три месяца. Это произошло по независящим от нас причинам, которые имеют технический характер. Полагаем, что с апреля рассылка начнет выходить регулярно.

Мы надеемся, что информация рассылки Вас заинтересует, и Вы предложите Ваши материалы для публикации!

Тема выпуска:

Российское религиоведческое сообщество

Фолиева Т.А. «Головокружение от успехов»:

размышления о религиоведческих исследованиях в России – 2015

Прежде чем перейти непосредственно к самим размышлениям о ситуации в отечественном религиоведении, мне хочется предупредить своего читателя, что я исхожу из принципа разделения профессионального и личного. Мои замечания, возможно, заденут некоторых моих коллег, однако я не хочу обидеть их (поскольку отношусь к ним тепло), но пытаюсь лишь указать на некоторые тенденции в работе. Так что, ничего личного, но...

Несколько лет назад, для участия в Первой международной конференции «Религиоведение на постсоветском пространстве», которая проходила 21 – 22 февраля 2009 года в Минске (Республика Беларусь), я написала публицистический доклад о положении в отечественном религиоведческом сообществе. Текст доклада был позже опубликован в сборнике конференции¹ и размещен на портале «Религиозной жизни»². Прошло пять насыщенных лет и в преддверии IV Международной конференции в Минске мне захотелось сделать подобный обзор повторно. Изначально я хотела сравнить 2009 – 2010 годы и современную ситуацию, однако, впоследствии отказалась от этой идеи – во многом то, о чем я говорю в первом тексте, сохранилось и сейчас. Не оправдали себя лишь два обновленных раздела («Головокружение от успехов: год спустя» и «Два года спустя»), во многом из-за стремления сгладить острые углы и увлеченностью насущного момента. Поэтому этот

¹ Религиоведение на постсоветском пространстве / Под общ. ред. П.Н. Костылева; ред. и сост. К.А. Колкуновой, Т.А. Фолиевой: Материалы конференции (Минск, 21-22.02.2009). М.: Алькор-Паблишерс, 2011.

² Фолиева Т.А. «Головокружение от успехов»: размышления о религиоведческих исследованиях в России // [<http://religious-life.ru/2011/11/folieva-golovokruzhenie-ot-uspehov/>, дата обращения: 07.04.2015].

текст ориентирован на читателя, который знаком с первой частью и готов к захватывающему продолжению³.

1. Религиоведческое сообщество: общая характеристика

Ситуацию в религиоведческом сообществе обуславливают, как внешние, так и внутренние факторы, которые переплетаясь между собой, образуют дивную картину. Первые ниже описанные факторы, я отнесу к внешним, последний – к внутренним. Однако подчас трудно понять, какие из них какие, поэтому можно считать такое деление условным.

Общее настроение, царящее в религиоведческом сообществе⁴, можно охарактеризовать как депрессия и страх⁵. Депрессивные настроения вызваны прежде всего политикой государства в сфере гуманитарного образования. Сокращение бюджетных мест для студентов, а следовательно – сокращения ставок преподавателей; увеличение никому не нужного документооборота; появление новых формальных требований к преподавателям – все только несколько примеров, которые негативно влияют на ситуацию. При этом у этих изменений нет ни внутренней логики, ни разумного обоснования. Лично мне в начале года приходится заполнять 6 или 7 наименований планов; в середине семестра весь мой коллектив дружно (наверное, четвертый раз за последние два года) переделывал рабочие программы и учебно-методические комплексы, начали разрабатывать ФОСы [«фонды оценочных средств»]; в конце первого семестра с меня потребовали 8 видов промежуточных отчетов. Не думаю, что у моих коллег другая ситуация⁶, практически всем приходится в таких

³ Я буду говорить о негативных тенденциях в отечественном религиоведении. Все что есть положительного, мы с моими коллегами стараемся показать на страницах нашей религиоведческой рассылки «Перспектива».

⁴ В большей степени, я буду говорить о вузовской науке, поскольку ситуация в академических подразделениях мне знакома меньше.

⁵ Отдельный вопрос, который мы не будем затрагивать в принципе, кому в религиоведческом сообществе выгодно такое настроение, и кто пытается поймать рыбу в мутной воде, и кто ее специально в таком состоянии поддерживает.

⁶ См. к примеру: Шупер В.А. Сага о курсовых // [<http://unisolidarity.ru/?p=662>, дата обращения: 07.04.2015].

условиях «выживать» и сил ни на науку, ни на развитие педагогического мастерства не остается. Все это, с одной стороны, вызывает внешнее и внутреннее сопротивление профессорско-преподавательского состава: такая ситуация отбивает желание вообще проявлять инициативу и что-либо развивать. Негативные суждения о будущем и отсутствие заинтересованности вызывают научную апатию в религиозоведческих кругах. Все, что делается, вызвано к жизни в соответствии с требованиями, у пассивного большинства (около 400 человек примерно)⁷ нет ни интереса, ни возможностей, ни желания как-то «бурлить», а активное меньшинство (я полагаю, около 50-70 человек) настолько мало, что бурление его видно лишь только его участникам.

С другой стороны, государственная политика в сфере образования вызывает и другое «настроение» – страх. Декан боится ректора, заведующий кафедрой боится декана, преподаватель (вне зависимости от своего статуса) – заведующего. Административно-управленческий персонал вуза может просто не дать бюджетных мест / финансирования на специальность, что приведет к закрытию подразделения, сокращению профессорско-преподавательского состава. Заведующий может невзлюбить подчиненного и выжить неугодного с места работы. В такой ситуации лучше «не высовываться» (ни в реальном общении, ни в виртуальном); не дискутировать; не предлагать изменения, поскольку всегда есть шанс «вылететь» со своего места работы, потерять академический статус и надбавки. Этот страх снижает научную активность, не позволяет сформироваться институту научной критики (критика работ и идей воспринимается как личная и, следовательно, наказуема), разрушает религиозоведческое сообщество (отношение коллег резко меняется при появлении чувства нарушения собственной институциональной позиции, о чем как минимум не забудут напомнить). Практически полностью утрачен

⁷ Термины «пассивное большинство» и «активное меньшинство» взяты из предыдущего текста [См.: <http://religious-life.ru/2011/11/folieva-golovokruzhenie-ot-uspehov/>, дата обращения: 07.04.2015].

«университетский дух», когда тот, кто управляет – лишь первый среди равных, выбранный равными. Будучи либералами в сети и на публике, представители административно-управленческого персонала становятся феодалами в своих подразделениях, годами занимая свои должности и формируя практически безгласный и безынициативный состав подчиненных. Здесь опять же срабатывает принцип «не высывайся». В результате мы получаем то, что уже получили во всем сообществе и специфическую ситуацию на кафедрах, о которых я еще немного упомяну.

В тоже время апатия религиоведческого сообщества вызвана также тем, что работа исследователей религии не востребована ни государством, ни обществом. Общество не знает, что такое религиоведение и кто такое религиовед, а следовательно оно не нуждается ни в первом, ни во втором. Государству, с одной стороны, исследователь «неудобен», поскольку он всегда будет основываться на принципах академической науки, что в современной социально-политической ситуации противоречит политике «духовных скреп».

С другой стороны, если обществу не нужны религиоведы, то для государства (увы) включаются механизмы рынка – зачем специалисты по той специальности, которая не востребована? Отсюда сокращение бюджетных мест и преподавательских ставок, что так негативно влияет на настроение в религиоведении. Но – в этой ситуации виновато само религиоведческое сообщество. Увы, у представителей академической науки, есть предубеждение, что не дело ученого популяризировать науку и «пробиваться» в СМИ. Показательно в этом отношении судьба проекта Religo.ru⁸, работу которого сообщество практически не поддержало⁹. Однако такое молчание скорее свидетельствует о другом: религиоведческое сообщество не готово

⁸ <http://religo.ru/>, дата обращения: 07.04.2015.

⁹ Для «чистоты эксперимента» признаюсь, что я критиковала этот сайт, однако, мной двигали иные побуждения (прежде всего, отсутствие редакторской работы и слабые материалы), но, по сути, эти мотивы выходят уже за рамки наших размышлений.

к диалогу с обществом; религиоведы не могут быть экспертами в вопросах, связанных с религией и повседневной жизнью.

Позвольте привести два примера, которые, конечно, не сравнимы друг с другом, но для меня очень показательны. Первый пример связан с громкими событиями во Франции и карикатурами. Ни один, еще раз повторяю, ни один религиовед (ни рядовой, ни генералитет) не высказался по данному вопросу, зато было множество совершенно бессмысленных и странных (с точки зрения науки о религии) комментариев от политологов, социологов, публицистов. Все это вытесняет религиоведение на периферию социального знания. Второй пример связан с Евромайданом в Украине: он начался 21 ноября 2013 года; в середине декабря 2013 года профессор Л.А. Филипович сделала доклад на конференции на философском факультете Московского университета о позиции церкви в ходе событий на Майдане, а уже в 2014 украинские коллеги издали книгу, посвященную данной проблеме и провели несколько ее презентаций¹⁰. Подобная активность делает нашу науку заметной, нужной. Религиоведение начинает говорить на одном языке с обычным читателем, который является налогоплательщиком и на чьи отчисления, в принципе, и живет академическая наука. Ему не нужны наши споры о судьбах советского религиоведения, ему нужна четкая и простая информация о происходящих событиях. Молчание же воспринимается прежде всего как отсутствие науки, а затем как некомпетентность. Религиоведение становится волшебным предметом – «вот оно есть, а потом вдруг его нет».

В отличие от религиоведения, его вечный антагонист теология более востребована не столько обществом, сколько государством и «работодателями» – религиозными организациями. Русская православная церковь (Московского Патриархата) – доминирующий игрок в этой сфере. С одной стороны, мы видим,

¹⁰ Майдан і Церква. Хроніка подій та експертна оцінка. К., 2014.

как постепенно Церковь проникает в общеобразовательную школу, а с другой – видим, как постепенно происходит перепрофилирование кафедр в вузах с науки о религии на науку о Боге. В прошлом своем тексте я говорила о разрушительной силе «конфессионального религиоведения» как результате проникновения религиозных организаций в сферу науки и образования. Однако сейчас я могу констатировать, что ситуация видится мне намного сложнее, чем 3-5 лет тому назад. Несомненно, о чем я еще скажу ниже, существует тенденция превращения науки о религии в «конфессиональное религиоведение», что чаще происходит в регионах. Но в то же время этот термин становится синонимом некачественной работы, когда некомпетентность прикрывается «высоким стилем». Параллельно можно наблюдать тенденцию, когда сами представители религиозных кругов говорят о бессмысленности понятия «конфессиональное религиоведение» и призывают развивать теологию. Одновременно мы видим проекты, в которых светские и религиозные институты воплощают в жизнь прекрасные религиоведческие проекты¹¹.

Нельзя, конечно, говорить о том, что не существует напряженности и негативных тенденций, но, скорее, следует говорить не о силе клерикализации, а о слабости религиоведения. И опять мы возвращаемся к проблеме непубличности религиоведения: одиозных Дворкина и Чаплина знают не потому, что они известные (и профессиональные) ученые, а потому что их имена уже является брендом для обывателя.

К проблемам внутреннего порядка я бы отнесла вопрос о том, что считать религиоведением и кого считать религиоведами. Существует две доминирующие позиции, которые противостоят друг другу. Первая подразумевает, что религиовед – это только тот, кто занимается религиоведением (междисциплинарной наукой о религии). Вторая – этот тот, кто занимается проблемами религии (религиоведение

¹¹ <http://www.doctorantura.ru/ru/programmy/proekty/seriya-lektsij-religiya-nauka-i-obshchestvo>, дата обращения: 07.04.2015.

же – это совокупность наук о религии). Преобладает сейчас второй подход, поэтому неслучайно проводился не Всероссийский религиоведческий конгресс, а Конгресс российских исследователей религии.

Такая ситуация является губительной, как для самого религиоведения, так и для религиоведческого сообщества в целом. Во-первых, о религии говорят «с удовольствием» все и всюду «наряду с прочим и для забавы»¹², именно еще и поэтому появляется проблема экспертиз и экспертов, о которой уже говорилось. Во-вторых, религиоведческое сообщество становится рыхлым, бессвязным и является собой совокупность отдельных представителей отдельных дисциплин. Это разрушает религиоведение, оставляя при этом нерешенным его статус, ограничивая перспективы в будущем. Да, за рубежом мы говорим о «Religious Studies», но мировая традиция во многом отличается от традиции отечественной и по сравнению с другими странами наша наука еще проходит этап становления, когда требуется централизация, а не дифференциация.

2. Религиоведческое сообщество: кафедры, вузы, организации

В 2009 году в российском религиоведении насчитывалось 38 выпускающих кафедр¹³, на современном этапе их около 33: часть кафедр «слили» с другими подразделениями, а часть закрыли набор. В 2008 году существовало 12 академических подразделений и научных центров, в 2015 – 10. Стабильным оказалось количество профессиональных ассоциаций – 6 (из списка можно исключить Московское религиоведческое общество, но появилась Ассоциация российских религиоведческих центров). С виду ситуация является стабильной, однако, уменьшение количества

¹² Это перефразирование сентенции Григория Богослова о богословии: «...наряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристалищ, зрелищ и песен, после удовлетворения чрева и того, что хуже чрева; ибо для последних составляет часть забавы и то, чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений», см.: Григорий Богослов, свят. Пять слов о богословии. М., 2000. С. 7, 4.

¹³ Данные даны по: Справочник религиоведа. Выпуск I: Религиоведческие образовательные, научные и общественные институты современной России и Украины / НИИЦ, МАР / Отв. ред Т.А. Фолиева, О.Я. Муха и др. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

кафедр свидетельствует о кризисе, который, как я уже писала, связан и с уменьшением интереса государства, и с невостребованностью выпускников на рынке труда. Кроме указанных выше причин, эти проблемы связаны и со спецификой религиоведческого образования. Традиционно, оно является прежде всего философским. Чаще всего выпускник-религиовед прекрасно разбирается в философии религии, но не компетентен в законодательстве в сфере религиозной политики, он практически не был «в поле» и не имеет практических навыков работы с религиозными организациями. Да, ситуация меняется в ряде вузов – Казанском (Приволжском) Федеральном университете, РГГУ и некоторых других, однако, скорее это исключение, чем общая тенденция¹⁴.

Второй негативной тенденцией является «уход», при сохранении фактического статуса, кафедр из религиоведения в теологию, конфессионализация образовательного процесса. Такой, например, является ситуация в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского, где в 2012 году кафедра религиоведения и философской антропологии была преобразована в кафедру «теологии и религиоведения»¹⁵. Опять же по вполне понятным и объяснимым причинам: кафедра сотрудничает с основным региональным работодателем на рынке трудоустройства выпускников – Саратовской епархией Русской православной церкви. Можно ли осуждать коллег, которые таким образом спасают кафедру, людей и ставки? Нет. Но политика «сэкономить, а не вложить и потом заработать» рано или поздно приведет к печальным последствиям.

Другой особенностью является то, что большая часть существующих кафедр самоизолировались от религиоведческого сообщества, что происходит внутри них, чем они занимаются – увы, не известно. Еще в далеком 2009 году, когда мы с коллегами создавали «Справочник религиоведа» на нашу просьбу предоставить

¹⁴ <http://kpfu.ru/news/anatolij-pchelincev-39vektor-religiovedcheskih.html>, дата обращения: 07.04.2015.

¹⁵ <http://www.sgu.ru/structure/philosophic/theorel/history>, дата обращения: 07.04.2015.

о себе информацию откликнулось меньше трети кафедр. На Втором конгрессе российских исследователей религии не было представлено и половины кафедр и отделений, не говоря уж о заведующих. Чем вызвана такая изоляция – не понятно.

Сходная ситуация и с профессиональными ассоциациями. Их шесть¹⁶, они самоизолированы и так до конца и не ясно, чем они занимаются. Ни одна из них, по сути, не является профессиональным сообществом, поскольку не защищает интересы своих членов. Ни одна из них не является, по сути, открытой и демократической организацией, поскольку, как для членов, так и для стороннего наблюдателя непонятны механизмы деятельности организации, выборы ее руководящих органов, цели и задачи. Проблема в том, что эти ассоциации создаются не «снизу», как, например, Вольное историческое общество¹⁷, а «сверху», под отдельного человека и группу лиц, для решения их собственных личных целей и задач. Эти профессиональные организации являются пантеоном чьих-то амбиций, нерабочими группами близких единомышленников. В этом отношении представляется, что более продуктивным и перспективным является объединение религиоведов вокруг отдельных проектов и журналов – ничто не сближает так, как общее исследование или финансирование¹⁸. Рано или поздно из этих общих проектов появится нормальная рабочая профессиональная ассоциация, способная не только защитить своих членов, но и иметь свой журнал, бюджет и гранты. Но до этого блестящего будущего следует еще дожить.

¹⁶ При этом только одна из них – Российское объединение исследователей религии, – имеет статус юридического лица, а еще одна войдет в Европейскую ассоциацию исследования религии от всего российского религиоведения в августе 2015 года на XVI Мировом конгрессе Международной Ассоциации истории религии в Эрфурте (Германия).

¹⁷ http://polit.ru/article/2014/03/03/manifest_vio/, дата обращения: 07.04.2015.

¹⁸ Прекрасный пример тому, журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» или Научный центр современной психологии религии в ПСТГУ.

3. Религиоведческое сообщество: бренды, тренды, гранты

Бренды. Несомненно, в российской науке о религии есть «организационно-бренды» и «ученые-бренды», которых значительно больше, чем первых. В первую очередь брендами являются кафедры философии религии и религиоведения МГУ имени М.В.Ломоносова и СПбГУ – это их «первородное право», данное им априорно, связанное с именами вузов. Куда еще, как не на эти кафедры направлены взгляды из провинции? Кто, как не они, являются мерилom российского религиоведения? В этом статусе «порфириночного отрока», конечно, трудно существовать, еще труднее поддерживать реальность своего статуса. Одновременно появляются новые организации, о работе которых слышно иногда больше, чем о деятельности иных; новые проекты вне кафедр; новые люди, создающие эти бренды¹⁹. Более эффективно работают «ученые-бренды», которые представляют не только свою работу, но и кафедру, и регион. А.П. Забияко – представитель дальневосточного религиоведения, Е.И. Аринин – владимирского, Л.С. Астахова – казанского и т.д. Есть ученые, чье имя само по себе уже является знаком качества и активной работы (не буду здесь никого перечислять, дабы никого не обидеть).

Тренды. Основных исследовательских тем (а именно их я подразумеваю под «трендом») в отечественной науке о религии немного. Во-первых, это история философии религии, интерпретация идей авторов к. XIX – сер. XX веков. Во-вторых, изучение религиозности населения, религиозной ситуации, трансформации религиозности. В-третьих, статьи из серии «за 5 минут о Вселенной», с «высоконаучными» рассуждениями о глобальных проблемах, таких как «духовность», «религиозное обращение», «религия и политика», «традиционная

¹⁹ Например, активно работает Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Издательством ПСТГУ в 2014 году по религиоведческой тематике было издано около 20 наименований литературы, что практически равно всем книгам, которые издали все кафедры религиоведения в России. Совершенно новую (не побоюсь этого слова – прогрессивную) систему религиоведческого образования внедряет у себя на кафедре религиоведения Казанского (Приволжского) Федерального университета д.филос.н. Л.С. Астахова и т.д.

религия» и т.д. В-четвертых, изучение истории российского религиоведения. В-пятых, «увлечение» современными проблемами науки о религии: «когнитивное религиоведение», «секуляризация /десекуляризация» и т.д.

Гранты. Стоит отметить, что финансирование науки через гранты является не очень большим. Чаще всего российские религиоведы получают поддержку от РГНФ, в прошлом году был поддержан проект по психологии религии Российским научным фондом. Я проанализировала данные о выигранных и продолжающихся грантах РГНФ в 2014 – 2015 году. Получается, что в 2015 году исследователями религии было получено 27 грантов, 2014 – 26 грантов, 2013 – 25. То есть, полученное количество грантов стабильно и в последние годы не меняется.

4. Два предложения вместо заключения

Поведем итог этим кратким (и достаточно сумбурным) размышлениям. В целом, настроение, господствующее в российском религиоведческом сообществе можно назвать депрессивным, а тенденции, в нем существующие, – негативными. Количество кафедр сокращается, выпускники не востребованы по специальности. Сами кафедры самоизолированы друг от друга, что является одним из основных факторов отсутствия рабочего сообщества в отечественной науке о религии (как и шесть лет назад в российском религиоведении существуют активных 50-70 ученых). Увы, но складывается такое ощущение, что многие либо сдались, либо бросили заниматься наукой, либо занимаются профанацией. Молодое поколение, столь сильно бурлившее еще пять лет тому назад, освоилось и остепенилось, но появился разрыв между ними и «новыми молодыми» учеными.

Прогнозы дело не благодарное, еще более не благодарная работа – давать советы и рекомендации, тем более, когда у тебя нет ни академического, ни социального механизма влияния. Я могу лишь только пофантазировать, как можно изменить ситуацию в религиоведческом сообществе.

Во-первых, конечно, главный принцип – это «читай и работай»; это единственно, что позволено делать религиоведу практически круглосуточно. Работай над своими проектами, читай работы других – это, наверное, ключевое правило, которое полностью практически не исполняется. Дело здесь не столько в индексах цитирования и прочих показателях, а в том, что это позволит преодолеть самоизоляцию ученых друг от друга. В тоже время, научная критика – это лучшее лекарство от профессиональной некомпетентности.

Во-вторых, возрождение демократических и университетских традиций в религиоведческом сообществе. Лучшие и успешные проекты последних лет строятся именно на этих началах, как пример можно привести проект энциклопедии по социологии религии профессора М.Ю. Смирнова, где работа построена именно так. Демократические процедуры – это не сомнения в авторитете кого-либо, это нормальное развитие любого, в том числе научного общества. Отсутствие их превращает науку в «ожидание промаха (смерти, ошибки...)» другого, порождает нездоровую конкуренцию и в любом случае разрушает религиоведческое сообщество.

В-третьих, религиоведческий рынок переполнен журналами и сайтами (за исключением, может быть, пары идей, которые витают еще в воздухе), следует работать над качеством, а не над количеством; над глубиной и наполнением.

В-четвертых, основной тенденцией объединения религиоведческого сообщества, а только это, как мне думается, его сохранит, является объединение коллег «снизу», через научно-исследовательские проекты и издания. Иначе, если не произойдет такое объединение, кто-то так и будет «дышать под водой», а остальные под натиском обстоятельств и бюрократии исчезнут.

Современное российское религиоведение: стратегии осмысления

Пределную трудность, на мой взгляд, представляет осмысление трех феноменов истории науки:

1. Поиск оснований науки, направленный в историческую глубину и, к сожалению, обычно не имеющий встроенных методологических ограничителей²⁰;

2. Исследование ее границ, в историческом, методологическом, социологическом (социология науки, социология знания) и психологическом (психология науки) планах.

3. И, наконец, понимание ее настоящего статуса, осмысление себя как целого.

Далее мне хотелось бы представить ряд упорядоченных размышлений, посвященных трех возможным стратегиям осмысления²¹ современного состояния российского религиоведения.

1. Метод

Если религиоведение – это эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой выступает интуитивно понимаемое поле «религиозного», а предметами – концепты «религии» (1), реальные религиозные традиции мира – не всегда соответствующие концептам «религии» (2) и религиозные феномены, нередко выходящие за пределы собственно религиозных традиций (3), то дисциплина,

²⁰ При некотором усилии подобный подход позволяет возвести, скажем, сравнительное религиоведение к известной истории «выбора веры» Владимиром Святославовичем, последствием чего стало крещение Руси в 988 году.

²¹ Отмечу, что употребляя термин «стратегия осмысления», я настаиваю на том, что понимание современного состояния науки о религии в России невозможно «само по себе», без предваряющего его своего рода взгляда, концептуального видения, в котором бытие науки обретает свой смысл. Нестратегическое понимание прошлого, настоящего и будущего нашей науки обречено оставаться россыпью разнородных фактов, не имеющих в себе никакого объединяющего смысла и содержания.

изучающая само религиоведение – это метарелигиоведение, а именно история, методология, социология и психология религиоведения²².

Еще сорок лет назад З. Понятовский считал, что «наука (о религии) не существует в социальном вакууме. Она связана не только с философией или теологией, но также и с множеством вненаучных факторов, к примеру, с потребителями нашей продукции. Поэтому метарелигиоведение должно также стать религиоведческой “политологией”»²³. П.О. Шольц, определяя метарелигиоведение в понимании Понятовского, отождествляет его с «общей теорией религии, методологией и историей религиоведения»²⁴, поясняя, что его задачей является «разграничение области религиоведения [с другими областями] и определение его специфики, методологии и истории»²⁵. П. Маккензи фактически отождествляет метарелигиоведение с «введением в религиоведение»²⁶. В свою очередь, А.А. Зых упоминает, что в последние годы метарелигиоведение стремится добиться статуса отдельной дисциплины²⁷; насколько нам известно, как учебная дисциплина метарелигиоведение пока нигде не читается – в отличие от истории религиоведения.

История религиоведения по праву может быть названа базовым элементом метарелигиоведения, так как никакая наука не может корректно мыслиться вне своей истории. Вместе с тем ниже я предлагаю кратко ознакомиться с выделенными

²² Следует отметить, что у понятий «метарелигиоведение» и «метатеория религиоведения» совершенно различное предметное наполнение.

²³ *Poniatowski Z.* Metareligionswissenschaft // *History of Religions. Proceedings of the XIIth Congress of the International Association for the History of Religions, Lancaster, 1975* / Eds. Pye M and McKenzie P. Lancaster, 1980. P. 106-107. Имеется в виду, что метарелигиоведение должно объяснять смысл существования религиоведения обществу, а для этого необходимо знать религиоведение в его теории, истории и методологии. Более подробно о воззрениях З. Понятовского на метарелигиоведение см.: *Poniatowski Z.* Wstęp do religioznawstwa. Warszawa: 1962. S. 117–127. Понятовский также считал, что одним из главных инструментов развития метарелигиоведения следует считать наукометрию, см.: *Poniatowski Z.* Naukometria religioznawcza // *Euhemer – Przegląd Religioznawczy*, 1972, №3 (85), p. 3–21.

²⁴ *Szolc P.O.* Religionswissenschaft in Polen // *Numen*, Vol. 18 (1971), №1, p. 69.

²⁵ *Ibid.* Таким образом, сложные и дискуссионные вопросы о взаимоотношении религиоведения с другими дисциплинами также относятся к сфере ведения метарелигиоведения.

²⁶ *McKenzie P.* Phenomenology of Religion: A Systematic Approach // *Falsafeh*, Vol. 37 (2009), №3, p. 5.

²⁷ *Zych A.A.* *Pomiędzy wiarą a zwątpieniem.* Kraków: 2012. S. 17.

стратегиями религиозного самоосмысления, описанными сообразно предложенной модели метарелигиозного метода – историческим, методологическим, социологическим и психологическим аспектам религиоведения.

2. Стратегия пролонгирования

В рамках первой описываемой стратегии российское религиоведение²⁸ предстает как сложный, гармонично упорядоченный универсум значений, целостно интегрирующий разнородные религиозные дисциплины в единый организм живого и развивающегося научного знания.

В историческом плане российское религиоведение предстает неразрывной линией научной преемственности, от российских ученых XVIII века к настоящему постсоветской России. Определенные проблемы религиоведения испытывает при изменении ценностей конкретного периода российской истории (переход от дореволюционного религиоведения к советскому, от советского – к современному), но эти проблемы носят частный характер и не влияют на ценность религиозных исследований в любой период времени. Какое-либо указание на ангажированность религиозных изысканий в советский период может восприниматься как покушение на религиоведение в целом и религиозное сообщество в частности.

Методологически религиоведение, согласно этой стратегии, последовательно выстраивает себя как мультиметодологическое знание, приемлющее любой признанный научным в рамках любой другой науки подход. Религиоведение предстает совокупностью религиозных дисциплин (разделов), и таковые (философия религии, история религии, социология религии, психология религии,

²⁸ Настоящий текст носит программный характер, что обуславливает почти полное ссылок на предшествующие работы и исследования отечественного религиоведения. При необходимости все указанные факты могут быть подтверждены документально, вариантам осмысления религиоведения – определены группы работающих в этих парадигмах современных авторов-религиоведов.

феноменология религии) выстраиваются мериологически (т.е., «через запятую»). При таком делении крайне сложно обосновать то, что религиозоведческие дисциплины являются разделами религиоведения, а не конкретных наук – истории, социологии, психологии, философии и прочая²⁹. Далее, оказывается невозможно остановить бесконтрольное размножение религиозоведческих дисциплин (разделов) религиоведения; с течением времени появляются все новые – антропология (этнография / этнология) религии, география религии, экология религии, филология религии, семиология религии и так далее – ведь никакого ограничительного критерия производства новых дисциплин (разделов) в религиоведении не выработано.

Справедливости ради, следует отметить, что если религиоведение структурируется указанным образом, такое номиналистическое представление (религиоведение – только имя, объединяющее разделы разных наук) приводит нас к размыванию академической идентичности религиоведения и, в конечном счете, к его уничтожению, так как существование религиоведения оказывается классификативно необоснованным, поскольку религией занимаются частные дисциплины.

Социологически религиоведение, в рамках стратегии пролонгирования, представляется как совокупность выпускающих и невыпускающих профильных университетских подразделений плюс ряд институций Российской академии наук. Религиоведы – это прежде всего сотрудники и выпускники подобных подразделений, ученые и исследователи, социально привязанные к научным и образовательным организациям, финансируемым прежде всего бюджетным образом. «Быть религиоведом» определяется через социальные факты каждой конкретной личной истории исследователя.

²⁹ Теоретически возможно выделить этапы в логике развития религиоведения, например: социологи о религии (1), социология религии как часть социологии (2), социология религии как раздел и дисциплина религиоведения (3), но эвристическая ценность подобных дефиниций оставляет желать лучшего.

Создание профессиональных ассоциаций возможно, однако носит условный характер; пример – «Ассоциация российских религиоведческих центров», проводящая конференции и конгрессы, имеющая представительный Управляющий совет, объявляющая себя преемником различного рода религиоведческих организаций, но по-прежнему не зарегистрированная в качестве юридического лица, не имеющая своего сайта, не обладающая ни прописанной процедурой вступления, подтверждения членства и исключения, ни установленным оргвзносом, ни собственным периодическим изданием.

Психологически цельность религиоведения, как в историческом и методологическом, так и в социальном планах оборачивается закрытостью, осознанием своей «особой судьбы», «особого пути», чему порукой становится как малочисленность религиоведов, так и отсутствие глубинных связей российского религиоведения с другими дисциплинами. В силу замкнутости и укорененности в исторической традиции религиоведческое сообщество не стремится к экспансии либо же популяризации, как и к выходу в мировое академическое пространство. Базовый страх в таком варианте самоосмысления – это страх утратить целостность, уступить смежным и близким сообществам (прежде всего, теологическому), лишиться государственной поддержки (и бюджетных мест).

3. Стратегия преодоления кризиса

Вторая стратегия понимания религиоведения конкурентна по отношению к стратегии пролонгирования; можно сказать, что в рамках этой стратегии особо акцентируется внимание на проблемных и кризисных местах в системе религиоведения.

История отечественного религиоведения предстает в рамках этого подхода областью чрезвычайно проблемной; так, до революции религиоведение в России не возникло, поскольку почти не было научного изучения религии в университетах.

В советское время, согласно этой традиции, серьезно говорить о религиоведении можно только в условном формате, поскольку пафос преодоления религии никак не способствовал ее корректному научному изучению. Наконец, сегодня мы должны прилежно усваивать западный опыт (ввиду отсутствия собственного), а без такового усвоения говорить о российском религиоведении нет смысла. В таком смысле возникает ощущение, что религиоведение – это какой-то бесконечный start-up, все время откатывающий к точке зера.

Методологически отсутствие специфически религиоведческих методов объявляется, в рамках стратегии преодоления кризиса, либо особенностью религиоведения как такового – либо упущением, которое следует немедленно восполнить, тотчас изобретя религиоведческий метод опять-таки «с нуля». Мультиметодологичность предшествующего подхода предстает как печальный результат методологической неразборчивости ученых предшествующих эпох.

Социологически религиоведческое сообщество в рецепции сторонников описываемой стратегии предстает в ситуации перманентного и, пожалуй, в принципе неразрешимого кризиса. «Быть религиоведом» здесь значит быть непримиримым критиком сложившегося состояния религиоведения, однако простейший социальный анализ легко объясняет эту позицию тем, что сторонники стратегии пролонгирования обычно идентичны академическому истеблишменту, а сторонники стратегии преодоления кризиса почти всегда представляют его социальную оппозицию – молодежь (условно), не защитившую те (кандидатские) или иные (докторские) диссертации, другой вариант – оппозицию руководству религиоведческих подразделений, третий – представителей конкурентных предметных областей знания (прежде всего, теологии, в меньшей степени – социологии, истории, философии).

Психологически сторонники «спасения отечественного религиоведения» находятся обычно в существенно более патологическом восприятии ситуации вокруг

религиоведческого сообщества, как и всякая, пусть даже и научная оппозиция. Научные конфликты легко преобразуются в личную плоскость, жизненный мир сообщества более жестко, чем в первом случае, делится на «своих» и «чужих», в организации деятельности религиоведческого сообщества возникает своего рода почти мессианский пафос. Базовый страх в данной ситуации носит, скорее, социальную природу – сторонники стратегии преодоления кризиса в каком-то смысле «делают имя» на спасении сообщества от кризиса, нередко изобретенного ими самими (как известно, для того, чтобы решить проблему, нередко нужно сначала создать проблему), и в ситуации отсутствия кризиса и необходимости нормальной научной работы сторонникам этой концепции попросту нечем заниматься, в том числе научно.

4. Стратегия возвращения в общество

На мой взгляд, ввиду оппозиционности двух представленных выше стратегий никакой медиальной для них стратегии выработать, по моему мнению, не представляется возможным. Однако возможна альтернативная стратегия самоосмысления религиоведения, а именно – стратегия возвращения к обществу. Действительно, религиоведение, как указывал З. Понятовский (см. выше), существует не в социальном вакууме, а в обществе, в котором гуманитарные науки выполняют ряд важных функций помимо собственно научных. Можно констатировать, что российские религиоведы, увлеченные теоретическими и историческими дискуссиями (наиболее характерные – бесконечная и, пожалуй, бессмысленная реконцептуализация понятия «религия», обсуждение этических вопросов истории религиоведения, выяснение вопроса об «истинном» и «ложном», «правильном» и «неправильном» религиоведении) или псевдо-проблемами (например: «религиозность», «постсекулярный мир»), во многом утратили реальное понимание места своей дисциплины в реальном мире социального.

Исторически возвращение в общество может основываться на понимании места религиоведения в истории идей, анализе того, что религиоведение дает и / или может дать обществу и культуре, налаживанию прямого контакта между религиоведами и общественными нуждами – от подкаста или телеканала, посвященного корректному изложению знаний о религии в просветительском и аксиологически нейтральном ключе, до системы популяризирующих научное знание о религии сайтов (которых так же прискорбно мало, как и, скажем, пять лет назад).

Методологически религиоведение, и прежде всего – религиоведение отечественное, должно выйти из самостоятельно созданной изоляции, основанной на продвижении идеи абсолютной уникальности религиоведческого знания, что необходимо поддержать системой повышения квалификации и переподготовки по религиоведению, появлением открытых лекций специалистов по различным религиям, ориентированных на различные аудитории.

Социологически российские религиоведы могут ориентироваться на создание своего рода социальной сети, или единой базы данных о себе, вне которой любые спекуляции на тему статистического понимания религиоведческого сообщества остаются не более чем спекуляциями. «Охранительная» позиция по отношению к идентичности «быть религиоведом» уже, как мне кажется, потеряла актуальность – сообщество нуждается в притоке представителей смежных областей знания, – философов, историков, социологов, психологов, может быть даже теологов.

Наконец, **психологически** причисление себя к религиоведческому сообществу может, в русле предлагаемой стратегии, быть избавлено от дилеммы «за традиционное положение дел» / «против». «Быть религиоведом» должно обрести вненаучный смысл, может быть – экзистенциальный, общекультурный, общеисторический. Если религиовед не в состоянии поведать обществу исторически и психологически достоверную, и притом интересную историю (или множество таких историй)

о предмете своего изучения, возникает вопрос – в чем реальный общественный смысл его религиоведческой деятельности?

5. Заключение

На мой взгляд, сложившаяся в современном российском религиоведении ситуация паритета двух моделей его самоосмысления во многом тормозит развитие сообщества и развитие российского религиоведения в целом, потому что львиную долю сил религиоведы разных идеологических «прописок», возрастов и статусов тратят на борьбу с религиоведами противоположных воззрений, дистанцирование от смежных областей знания, защиту или, наоборот, атаку, – в общем, на процессы и процедуры, по моему разумению, находящиеся за гранью нормальной науки.

Наше сообщество отчаянно нуждается в общих правилах самоопределения, прежде всего – этическом и профессиональном кодексах, системе выстраивания рабочих мест, системе общей грантово-заявочной и исследовательской деятельности, общих программах работы, кадровой базе данных. Остается надеяться, что предлагаемая стратегия сможет отчасти исправить положение дел, вернуть религиоведов к реальным задачам, которые ставит перед ними общество и вытащить религиоведческое сообщество из той раковины «уникальности», куда оно, по совокупности разных причин, попадает последние десятилетия.

С начала 2015 года на портале «Религиозная жизнь» были опубликованы, не считая анонсов, десять новых материалов. Позвольте представить их Вашему вниманию. Прежде всего, следует отметить [программу Международной научно-практической конференции «Религия и / или повседневность»](#) – главного религиоведческого мероприятия на постсоветском пространстве последних лет. Конференция проходит каждые два года в Минске (Беларусь), и в этом году она будет проходить с 16 по 18 апреля 2015 года.

Ряд материалов вышли в разделе проекта «История отечественного религиоведения»: это статья М.В. Колмаковой «[Лев Николаевич Митрохин: работы “за подписью”](#)», работа Д.С. Дамте «[Критика психоаналитической концепции религии в трудах отечественных психологов религии 1920-х-1930-х годов: взгляд современного исследователя](#)», статья В.И. Коцюбы «[Репрезентация духовно-академической философии в советской историко-философской и религиоведческой литературе](#)».

Три обновления связаны с реакциями на выход в 2014 году коллективной монографии под редакцией К.М. Антонова «Наука о религии», “научный атеизм”, “религиоведение”: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в.». Это, прежде всего, рецензия С. Минина «[Вовсе не научный атеизм](#)», а также дискуссия П.Н. Костылева («[О критике этического подхода к истории отечественного религиоведения: в порядке дискуссии](#)») и К.М. Антонова («[Этический подход или анализ этоса? ответ П.Н. Костылеву \(в продолжение дискуссии\)](#)»).

Также на портале вышел перевод энциклопедической статьи Митио Араки «[Ками](#)» (пер. А.П. Бурыкиной) и перевод фрагмента работы Ойгена Древермана «[“Структуры зла” \(Динамика страха в Быт 3, 1-5 \(6.7\)\)](#)» (пер. Д.С. Дамте), а также републикация статьи А.Ю. Рахманина «[Семиотические аспекты процедуры определения \(на примере определений религии\)](#)».

Книжные новинки

Cognitive Linguistic Explorations in Biblical Studies [Когнитивная лингвистика в исследованиях Библии] / Ed. by Howe, Bonnie / Green, Joel B. De Gruyter, 2014. VI, 292 p. ISBN 978-3-11-034978-8

Writing, reading, and interpretation are acts of human minds, requiring complex cognition at every point. A relatively new field of studies, cognitive linguistics, focuses on how language and cognition are interconnected: Linguistic structures both shape cognitive patterns and are shaped by them. The Cognitive Linguistics in Biblical Interpretation section of the Society of Biblical Literature gathers scholars interested in applying cognitive linguistics to biblical studies, focusing on how language makes meaning, how texts evoke authority, and how contemporary readers interact with ancient texts. This collection of essays represents first fruits from the first six years (2006–2012) of that effort, drawing on cognitive metaphor study, mental spaces and conceptual blending, narrative theory, and cognitive grammar. Contributors include Eve Sweetser, Ellen van Wolde, Hugo Lundhaug and Jesper T. Nielsen.

Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 432 с. ISBN 978-5-7429-0972-9

Доктор филологических наук, библеист и переводчик Андрей Сергеевич Десницкий подводит в этой работе итог более чем двадцатилетнему опыту работы над переводами Библии. Издание в доступной форме знакомит читателя с теорией и методологией такого перевода, приводя множество примеров из разных языков. Библейский перевод оказывается тесно связанным с самыми разными областями человеческого знания, от богословия до компьютерной техники. В книге также проанализированы современные переводы Библии на русский язык и предложены конкретные решения для разных переводческих проблем. Книга будет интересна широкому кругу читателей и может использоваться в качестве учебника.

Монтаж и демонтаж секулярного мира / Под общ. ред. А.В. Малашенко, С.Б. Филатова. М.: РОССПЭН, 2014. 406 с. ISBN:978-5-8243-1901-9

В книге рассматриваются проблемы соотношения секуляристской тенденции и частичного демонтажа секуляризма, который наблюдается в некоторых странах и регионах, причем не только мусульманских. Предлагаемый читателю сборник статей, подготовленных на материале разных стран, носит дискуссионный характер. Данное издание – пятый том, подготовленный в рамках проекта «Религия в Евразии».

Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. 192 с. (Серия «Литературное наследие и история Христианского Востока»). ISBN 978-5-7429-0973-6

В монографии рассматривается корпус агиографических текстов (произведений житийной литературы), созданных православными арабами (мелькитами) сиропалестинского региона в раннеарабский период. Преимущественное внимание уделяется анализу оригинальных памятников с точки зрения основополагающих категорий жанра и стиля. Мелькитская агиография впервые рассматривается как целостное явление, что значительно расширяет современные представления о культуре и истории православных арабов IX–XI веков и динамике межкультурных контактов в восточнохристианском мире. В качестве приложений помещены переводы двух произведений — образцов соответственно самого раннего и самого совершенного стилей арабо-мелькитской агиографии рассматриваемого периода. Монография является расширенным вариантом диссертационного исследования (автор — канд. филол. наук), удостоенного Макариевской премии 2013 года; предназначена для исследователей агиографии и Христианского Востока, арабистов, литературоведов.

Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 гг.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М. : Изд-во ПСТГУ, 2015. 488 с. ISBN 978-5-7429-0931-6

В своей новой монографии А.А. Кострюков продолжает исследование феномена Русской Зарубежной Церкви, без которой сейчас немислимо представить жизнь русской эмиграции в XX веке. Зарубежная Церковь, основанная для несения слова правды о гонениях и духовного руководства эмиграцией, продолжила свой независимый путь даже после того, как советское государство отказалось от политики физического уничтожения Церкви. С чем было связано стремление Русской Зарубежной Церкви сохранить свою самостоятельность? Действительно ли архиереи-эмигранты сотрудничали с Гитлером? Какая связь существовала между смертью Сталина и решением Зарубежной Церкви принимать клириков Московского Патриархата через покаяние? На основании уникальных архивных документов и эмигрантской прессы автор отвечает на эти и другие вопросы, развенчивая многие мифы и шаг за шагом восстанавливая правдивый образ тех, кто хранил в изгнании духовное наследие Святой Руси.

Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии Академии наук СССР и российское религиоведение (1932 - 1961). СПб., Наука, 2014. 458 с. ISBN 978-5-02-038397-5

В книге рассматривается история формирования, становления и развития Музея истории религии Академии наук СССР в первые тридцать лет его существования, история борьбы за сохранение учреждения, которое неоднократно стремились закрыть. Издание книги заполняет лауну в истории отечественной науки, открывая ее неизвестные страницы на основе анализа большого корпуса различных архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот это правительственные документы, решения Президиума АН, стенограммы научных заседаний, служебные записки, деловая и личная переписка. Среди авторов документов, подготовленных к публикации: В.Г. Богораз, Н.М. Маторин, С.И. Вавилов, Г.П. Францев, В.Я. Пропп, М.К. Азадовский, М.И. Шахнович и др.

Журналы. Известия Иркутского государственного университета

«[Известия Иркутского государственного университета](#)» – рецензируемый научный и научно-методический журнал, на страницах которого рассматриваются актуальные вопросы теории и практики естественных и гуманитарных наук, а также проблемы преподавания основных дисциплин в вузе. Наше издание знакомит читателей с работами отечественных и зарубежных авторов: научными статьями, библиографическими обзорами, рецензиями, архивными материалами, информацией о конференциях и других событиях научной жизни. Журнал «Известия Иркутского государственного университета» адресован научным работникам, профессорско-преподавательскому составу, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований по различным направлениям науки.

Серия «Политология. Религиоведение» журнала «Известия Иркутского государственного университета» публикует статьи по теории, методологии и истории различных отраслей политической науки и религиоведения; результаты прикладных исследований российского и мирового политического процесса; учебно-методические материалы для преподавателей и студентов, изучающих политологию; библиографические обзоры и рецензии; информацию о круглых столах и конференциях.

Выпуск серии координируется отделением политологии исторического факультета Иркутского государственного университета. Серия открыта для дискуссионных материалов, поэтому ее содержание не обязательно отражает точку зрения редакционной коллегии. Серия «Политология. Религиоведение» основана в 2007 г. С 2014 г. выходит четыре раза в год.

В соответствии с рейтингом 2014 г. в eLibrary журнал в разделе «Религия. Атеизм» занял 7 позицию (из 236 журналов).

Все номера с полнотекстовыми версиями статей размещены на [сайте журнала](#).

Известия Иркутского государственного университета.

Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Том 11: Раздел «Религиоведение»

В.И. Шамшурин. [О соотношении религии, науки и политики. Часть 2](#)

Ю.Ф. Абрамов, Р.А. Косолапов, В.И. Куйбарь. [Феномен духовности в глобализирующемся обществе](#)

Т.В. Пешкова, Т.В. Быкова. [Феномен святости: методологический аспект](#)

А.Е. Смирнов. [Религиозное обращение и проблема онтологии субъекта. Часть 2](#)

Д.А. Головушкин. [Религиозное обновление современности](#)

О.В. Вольтер. [Русская православная церковь как социальный институт и ее церковно-административные и иерархические элиты в современной России](#)

А.П. Санников. [Православный приход Прибайкалья и его количественные характеристики в конце XVII – XVIII в.](#)

Чжан Фань. [Православие в провинции Хэйлунцзян КНР: размышление о будущем и диалог с прошлым](#)

А.В. Жуков, Н.С. Кондакова. [Забайкальские свидетели Иеговы в мифологеме о «балейских иеговистах»](#)

А.Н. Данненберг. [Культ Марии Лионсы: к особенностям католической традиции в Венесуэле](#)

1. И.А. Арзуманов [Иркутский государственный университет, г. Иркутск]. **Политико-правовые и методологические аспекты курса «Политика и религия» (проблемы укрепления и поддержания гражданского единения в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты (по вопросам Всероссийского научно-практического Форума. Пермь, 17-19 сентября 2014 г.)**

Аннотация. В статье рассматриваются основы методологии формирования межнационального согласия в России. Под гражданско-патриотическим и духовным единением понимается сформированная в обществе, осознанная и одобряемая населением консолидированная поддержка стратегического курса социально-политического развития государства.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, этнос, нация, интеграция, конфессия.

2. Т.А. Фолиева [Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет, г. Москва].
Психоаналитические теории в психологии религии

Аннотация. Предметом исследования является рецепция психоаналитической интерпретации религии в отечественной и зарубежной психологии религии. Были проанализированы основные отечественные и западноевропейские работы с начала XX в. до современного периода. Основными выводами проведенного исследования являются выделение три периода анализа психоаналитических теорий в отечественной традиции: начало XX в., когда активно развиваются и собственно российские психоаналитические школы; советский период (60-80-е гг.) когда преобладает дескриптивный анализ трудов классиков психоанализа; современный

этап, когда доминируют теоретические работы. В зарубежной науке складывается другая ситуация – от увлечения теорией З. Фрейда через критическое отрицание до современной реинтерпретации психоанализа. Автор попытался показать, что психоаналитические теории имеют большой эмпирический потенциал.

Ключевые слова: психология религии, психология личности, психоанализ, З. Фрейд, фрейдизм, бессознательное, неофрейдизм, «Эдипов комплекс», образ Бога.

3. И.В. Швец [Иркутский государственный университет, г. Иркутск] **О назначении и внутренних характеристиках духовных практик в работах М. Фуко**

Аннотация. Рассматривается назначение и внутренние характеристики духовных практик. Посредством идеи практик осуществляется кардинальный переход антропологического мышления от эссенциального, субстанциального дискурса к глагольному дискурсу размыкания, в котором конституция сущего реляционна, относительна. Приводится дефиниция практик себя и характеристики античных антропологических практик, применимые к духовным практикам в интерпретации С. Хоружего. В связи с понятием холистичности практик рассматривается концепция телесности и телесных практик. Характеризуется данная М. Фуко конкретная дескрипция античных практик и их структуры.

Ключевые слова: духовные практики, антропологическое мышление, антропологические практики, телесность, телесные практики, практики себя.

4. Ю.Ф. Абрамов, В.И. Куйбарь, А.Е. Смирнов [Иркутский государственный университет, г. Иркутск]. **Становление субъективности в религиозной традиции: к постановке проблемы**

Аннотация. Цель статьи - очертить возможное поле религиоведческих исследований, связанных с процессами субъективации в религиозных традициях. Различные

религиозные традиции формируют различные типы культуры психической деятельности, или различные субъектные профили. Представляется важным ответить на вопросы о том, каким образом и за счет каких средств осуществляется такое формирование. Что происходит с человеком, переживающим религиозный опыт? Каков "механизм" влияния религиозного опыта на субъектную конституцию индивида? Известно, что в данной ситуации меняются не только интересы, ценности, кругозор, круг общения, привычки, типы реакций, влечений, аффектов, а также модели социального поведения. Каковы субъектные трансформации индивида, опознающего для себя значимость *религиозного*? И как со структурной, не психологической точки зрения описать этот процесс? В статье кратко освещается история проблемы, степень ее разработанности, а также методологические принципы и методы ее исследования.

Ключевые слова: религия, религиозный опыт, религиозная традиция, субъект, субъективность, субъективация, религиозная практика, православная традиция, социально-гетерологический метод.

5. А.В. Жуков, А.А. Жукова, М.А. Суворов [Забайкальский государственный университет, г. Чита]. **Исследования социального влияния на сознание верующих в религиоведении XVIII-XX вв.**

Аннотация. Статья посвящена аналитическому обзору исследований процессов социального влияния на религиозное сознание, что важно в современных условиях, создающих новые возможности манипулирования массовым сознанием. Содержание статьи убеждает, что в труды, представленные эволюционистским, антропологическим, культурологическим, социологическим, психологическим, социо- и культурно-психологическим, этнологическим, религиоведческим направлением, доказывают факт универсальности сознания, основанного

на религиозной вере, которое формируется благодаря целенаправленному воспитательному воздействию со стороны окружающего социума. Авторы показывают, что с целью обоснования этих идей выдвигаются такие теории, как теории «социального влияния» и «социального научения», концепция «функциональной независимости» «религиозной системы» от экономических и политических структур, а также феноменологические методы. Итогом статьи является убеждение в том, что в разных направлениях науки имеется согласие, о том, что формируемое обществом религиозное сознание, все же сохраняет определенную самостоятельность по отношению к социальному окружению, и поэтому субъективно воспринимает и воспроизводит информацию, получаемую в результате социальных коммуникаций.

Ключевые слова: Религиозное сознание, социальное влияние, религиозная система, теория «социального влияния», теория «социального научения», концепции религиозного сознания социальной философии, социологии, психологии и социопсихологии.

6. С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев [Институт географии РАН, г. Москва; Московский педагогический государственный университет, г. Москва; МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва].

Демографический потенциал конфессиональных групп стран БРИКС

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей развития конфессиональных общин стран БРИКС. Детально рассмотрено влияние религиозной идентичности на изменение социально-демографической ситуации. Особое внимание уделено анализу движения христианского возрождения в крупных развивающихся странах.

Ключевые слова: страны БРИКС, конфессиональная структура, демографическое развитие, христианское возрождение.

Конференции

Уважаемые коллеги, обращаем ваше внимание, что новости о конференциях представлены в порядке дедлайнов! Мы автоматически снимаем информацию о конференции, если прошел дедлайн. Мы можем поместить ваш отчет или другую актуальную информацию о конференции в разделе «Тема выпуска» или «События».

Дедлайн

Данные о конференции

- 22 апреля 2015 г. [II Международная научно-образовательная конференция «Бигиевские чтения» по теме «Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления», 17–20 мая 2015 г., Казань.](#)
- 25 апреля 2015 г. [XV Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. 27–30 мая 2015 г., Санкт-Петербург](#)
- 1 июня 2015 г. [V Международная научная конференция «Социология религии в обществе Позднего Модерна». 16-17 сентября 2015 г., Белгород.](#)
- 15 июня 2015 г. [3rd International Scientific Conference of the Lithuanian Society for the Study of Religions «Life Here and Hereafter: Beliefs and Practices». 23-24 October 2015, Vilnius, Lithuania.](#)

События

Прием статей в новый номер журнала «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе»

Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета формирует очередной номер журнала «Мировоззрение народов Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе». Для публикации статьи в журнале в выпуске №8 необходимо ее прислать до 1 мая 2015 г. (в электронном варианте), а также сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Подробности: dashkovskiy@fpn.asu.ru (Дашковский Петр Константинович).

Международный рецензируемый журнал «Open Theology» приглашает к публикации

Open Theology – an international Open Access, peer-reviewed academic journal, launched recently by De Gruyter Open, welcomes contributions addressing religion in its various forms and aspects: historical, theological, sociological, psychological, and other. The journal encompasses all major disciplines of Theology and Religious Studies, presenting doctrine, history, organization and everyday life of various types of religious groups and the relations between them. We publish articles from the field of Theology as well as Philosophy, Sociology and Psychology of Religion and also dialogue between Religion and Science.

The Open Theology does not present views of any particular theological school nor of a particular religious organization. The contributions are written by researchers who represent different religious views. The authors present their research concerning the old religious traditions as well as new religious movements.

De Gruyter Open, a part of De Gruyter publishing group, is one of the world's leading publishers of open access academic content. It publishes about 350 own and third-party scholarly journals in Chemistry, Biology, Medicine, Physics, Mathematics and other fields. Open Theology is published within Open HSS Journals, unprecedented publishing program dedicated to vibrant disciplines in humanities and social sciences.

The authors are given a variety of benefits:

- convenient, web-based manuscript submission and tracking system;
- transparent, comprehensive and fast peer review;
- efficient route to fast-track publication and full advantage of De Gruyter's e-technology;
- no publication charge in the first three annual volumes;
- free language assistance for authors from non-English speaking regions;

All accepted papers will be immediately available on-line.

To submit an article for Open Theology, please use [the on-line submission system](#).

За информацию благодарим Rasa Pranskevičiūtė, PhD, Section Editor, Open Theology

Международное издательство De Gruyter приглашает к изданию книг о новых религиозных движениях

CALL FOR BOOK PROPOSALS – NEW SERIES ON NEW RELIGIOUS MOVEMENTS

De Gruyter Open, a part of De Gruyter publishing group, invites book proposals for the new Open Access book series on New Religious Movements.

The series welcomes written or edited monographs and anthologies on new religious movements (NRMs) and alternative spiritualities – both empirical and theoretical with interdisciplinary approaches. Of particular interest are those that combine perspectives and methods drawn from all social sciences and humanities on the present, historical and newly emerging NRMs, as well as research methods, issues and problems, and new directions in study of NRMs.

More information about the series to be found at

<http://degruyteropen.com/oatheologynrm/>

Please, feel free to forward this information to other people who might be interested in it. За информацию благодарим Rasa Pranskeviciute, PhD, Series Editor, OA New Religious Movements

Конкурс эссе, посвященных синтоизму / ISSA Shinto Essay Competition, 2015.

Дедлайн – 31 июля 2015 года, см.: <http://www.shinto.org/worden/?p=257>